

ВѢСТНИКЪ

ИЗЯЩНЫХЪ

ИСКУСТВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ

ХУДОЖЕСТВЪ

Томъ IV — 1886 — Выпускъ I 6

РИС. В. ХАРЛАМОВЪ

СОДЕРЖАНІЕ

выпуска 1-го, тома IV-го.

Текстъ:	Стр.
Хмерское искусство. Статья Н. В. Султанова. I—V	1
Микеланджело Буонарроти. Статья М. П. Соловьева. XI—XIV (Окончаніе).	25
Очеркъ исторіи русской живописи по финифти. Статья Е. М. Гаршина .	68
Возобновленіе масляныхъ картинъ. Статья П. Я. Аггеева	79
Рисунки, приложенные къ настоящему выпуску	110

Иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ:

«На Камѣ, близъ Елабуги», гравюра à l'eau forte И. И. Шишкина.	} Фототипіи В. И. Штейна.
«Послы Ермака предъ Иоанномъ Грознымъ», картина С. Р. Ростоворова.	
Портретъ Р. Г. Судковскаго.	
Декорация для оперы «Русланъ и Людмила», акварель М. А. Шишкова.	
Декорация для балета «Пигмалионъ», акварель М. А. Шиш- кова.	

Политипажки въ текстѣ.

Иллюстраціи къ статьѣ Н. В. Султанова о хмерскомъ искусствѣ (стр. 1): 1) Небесныя баядерки, фронтоны Баіонскаго храма; 2) Древности Камбоджи на парижской всемірной выставкѣ (стр. 3); 3) Изваяніе на скалахъ Фномъ-Сонтука (стр. 10); 4) Пирамида Преа-Тколь (стр. 11); 5) Слоны Преа-Томри (стр. 13); 6) Входъ Понтэ-Преа-Хана (стр. 15); 7) Врата Ангкора Великаго (стр. 18); 8) Видъ байонскихъ развалинъ (стр. 20); 9) Пирамида Пинамака (стр. 21); 10) Храмъ Ми-Бома (стр. 23).

Иллюстраціи къ статьѣ М. П. Соловьева о Микеланджело: 1) Статуя Моисея (стр. 27); 2) Главная группа изъ фрески «Страшный Судъ» (стр. 37); 3) Статуя Пльнниковъ (стр. 50); 4) Римскій соборъ св. Петра по проекту Микеланджело (стр. 57).

Изъ фресковой живописи Рафаеля въ Фарнезинѣ (стр. 109).

Пять виньетокъ и заставокъ въ началѣ и концѣ статей (стр. 25, 68, 79, 110 и 112).

16
7

ВѢСТНИКЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУСТВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. И. СОМОВА

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Выпускъ 1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

1232

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Художествъ.

«Небесныя байдери» (фронтонъ Баюнскаго храма).

ХМЕРСКОЕ ИСКУССТВО.

Статья Н. В. Султанова.

Архитектура—тоже лѣтопись міра.
она говоритъ тогда, когда уже молчатъ
пѣсни и преданія, и когда уже ничто
не говоритъ о погибшемъ народѣ....

Гюль.

Ѣ каждымъ годомъ европейская наука вно-
ситъ все больше и больше свѣта въ не-
вѣдомыя области настоящаго и прошлаго.
Далеко ли отъ насъ то время, когда ни
одинъ европеецъ не смѣлъ проникнуть въ
центральную Азію? А теперь, благодаря
изслѣдованіямъ русскихъ ученыхъ и худож-
никовъ, мы знакомы не только съ ея племеннымъ составомъ и бытомъ,
но и съ ея искусствомъ. Подобно тому, какъ русскіе познако-
мили образованный міръ съ искусствомъ Тамерланова наслѣдія,
такъ же точно французы представили Европѣ, на парижской все-
мірной выставкѣ, въ 1878 году, образцы невѣдомаго до тѣхъ поръ
искуства Индо-Китай, или искусства Хмерскаго царства.

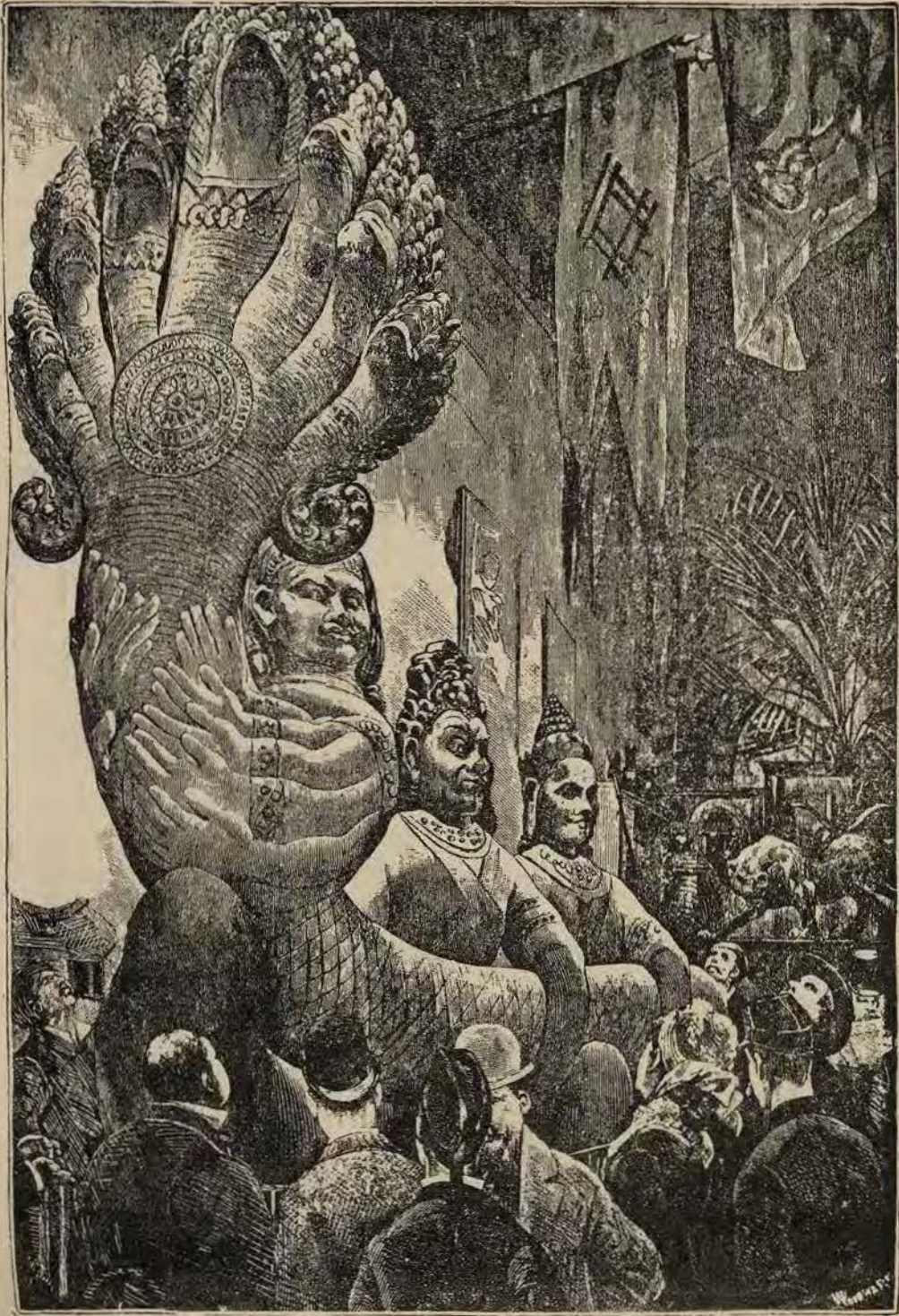
Сами они познакомились съ этимъ искусствомъ нѣсколько ранѣе. Французскій синологъ Абель Ремюзэ нашелъ въ китайскихъ лѣтописяхъ описаніе Ангкора, прежней столицы Камбоджи, сдѣланное однимъ китайскимъ путешественникомъ XIII вѣка. Затѣмъ, въ 1858 году, французскій естествоиспытатель Анри Муо (Mouhot), странствуя по Индо-Китаю, наткнулся на эту древнюю столицу, узналъ ее по описанію и пришелъ въ восторгъ отъ произведеній восточныхъ «Микеланджело», геній которыхъ произвелъ такіа чудеса. По его стопамъ направились другіе изслѣдователи, между прочимъ первый французскій резидентъ въ Камбоджѣ, Дударъ-де-Лагре. Онъ сталъ во главѣ цѣлаго общества путешественниковъ, которые изучили Меконгъ ¹⁾ и другія мѣста Индо-Китая (1866—1868 г.).

Въ числѣ этихъ изслѣдователей находился молодой морякъ Делапортъ. Онъ былъ до того пораженъ остатками невѣдомаго искусства посѣщенной страны, что принялъ твердое рѣшеніе вернуться еще разъ въ Камбоджу и поставить въ Европѣ хмерскія древности на ряду съ египетскими и ассирійскими. Четыре года спустя, ему удалось приступить къ осуществленію своего намѣренія.

«Въ 1871 году—говоритъ онъ,—я обратился къ губернатору Кохинхины, генералу Дюпрэ, лично видѣвшему Ангкоръ, и успѣлъ заручиться его благосклоннымъ содѣйствіемъ. По предложенію Шарля Блана, директора изящныхъ искусствъ, мнѣ были даны большія средства, и въ концѣ мая, экспедиція, начальство надъ которой морскому министру, г. Потюо, было угодно поручить мнѣ, отправилась въ Сайганъ ²⁾. Мы захватили съ собою всѣ приборы и инструменты, необходимые для раскопокъ, для перевозки тяжестей и для формовки скульптурныхъ украшеній, и отправились въ путь съ одною канонеркою, одною паровою шлюпкою и съ 50-тью человѣкъ экипажа.... Экспедиція наша состояла изъ моряковъ и офицеровъ, уже привыкшихъ къ трудностямъ подобныхъ путешествій. Всѣ они были добровольцы. Инженеръ-гидрографъ Булье, гражданскій инженеръ Раттъ и докторъ Жюльенъ выѣхали со мною изъ Франціи. Въ Сайгонѣ къ намъ присоединились еще докторъ Арманъ и кондукторъ путей сообщенія Фаро; затѣмъ, уже передъ самымъ концомъ путешествія, примкнулъ къ намъ капитанъ морской пѣхоты Фило. Губернаторъ колоніи предупредилъ

1) Главная рѣка на востокѣ Индо-Китая.

2) Городъ въ Кохинхинѣ, близъ устья Меконга.

Древности Камбоджи на парижской всемирной выставке 1878 г.

1*

о нашихъ намѣреніяхъ короля Нородома, и какъ только надлежащее разрѣшеніе было получено отъ послѣдняго, мы немедленно пустились въ дорогу».

Результатомъ этой экспедиціи явились, вопервыхъ, музей хмерскихъ древностей въ Парижѣ, и вовторыхъ, прекрасный трудъ Делапорта: «Voyage au Cambodge. L'architecture Khmer». Paris 1880 г. Этимъ трудомъ мы воспользовались, какъ источникомъ, при составленіи настоящей статьи.

I.

Отправившись изъ Сайгона, французская экспедиція поднялась по рѣкѣ Меконгу *), впадающей въ море въ предѣлахъ Кохинхины, и прибыла, вверхъ по теченію, въ столицу Камбоджи, Фномъ-Пенхъ.

Камбоджа имѣетъ 83,861 кв. километръ, т.-е. приблизительно, она вдвое больше Швейцаріи. Эта страна покрыта равнинами, лѣсами, плодородными долинами, болотами, и въ извѣстное время года вся заливаема водою. Постройки здѣсь—на сваяхъ. Теперь въ Камбоджѣ до милліона жителей; часть ихъ живетъ дикими ордами, часть полуобразованной жизнью въ селеніяхъ. Населеніе довольно густо по берегамъ рѣкъ, но вдали отъ нихъ громадныя пространства остаются пустынными.

Камбоджа рѣзко отличается отъ сосѣднихъ странъ по быту и внѣшнему виду жителей. вмѣсто неуклюжихъ хижинъ, у нихъ мы находимъ красивыя свайныя постройки, образующія цѣлыя деревни. вмѣсто уродливыхъ лицъ и туловищъ, закрытыхъ длинными безцвѣтными рубашками, здѣсь встрѣчаются сильные полуголые люди, съ бронзовой кожей, и благообразныя женщины, хорошо сложенныя и одѣтыя иногда, по сіамскому обычаю, въ короткія юбки съ яркими шарфами.

Въ настоящее время жители Камбоджи называютъ себя «хмерцами», а свою страну—«Срокъ-Хмеръ».

Фномъ-Пенхъ только пятнадцать лѣтъ тому назадъ сдѣлался столицей страны и мѣстопробываніемъ короля. Городъ этотъ имѣетъ совершенно европейскій отпечатокъ. Бамбуковыя хижины замѣняются на главной улицѣ кирпичными постройками. Громадные

*) Меконгъ беретъ свое начало въ предѣлахъ Китая, протекаетъ параллельно восточному берегу Индо-Китая и орошаетъ на своемъ пути Сіамъ, Камбоджу и Кохинхину.

торговые обороты города, особенно въ пору рыбной ловли, сосредоточены въ рукахъ китайскихъ купцовъ.

Между жителями Фномъ-Пенха попадаетса немало анамцевъ, сямцевъ, малайцевъ и нѣсколько европейцевъ. Уже одна королевская резиденція представляетъ собою цѣлый городъ; за ея оградой живутъ тысячи людей, состоящихъ на службѣ короля. За европейскимъ дворцомъ расположено помѣщеніе гарема, составленнаго изъ дочерей мандариновъ. Хмерскія женщины пользуются полной свободой, и король охотно даетъ своимъ женамъ разрѣшеніе вступать въ бракъ. Но за то всякая попытка проникнуть въ гаремъ наказывается смертью.

Городъ весь въ новыхъ постройкахъ. Теперь въ Камбоджѣ нѣтъ собственнаго архитектурнаго стиля: повсюду преобладаетъ современное китайское вліяніе, и даже большая часть рабочихъ—китайцы.

Король Камбоджи, Нородомъ, происходитъ изъ извѣстнаго азійскаго рода, и предки его обезсмертили себя оставленными ими памятниками искусства, забытыми нынѣ, вмѣстѣ съ ихъ основателями. Будучи сравнительно передовымъ человѣкомъ, онъ сочувственно отнесся къ французской экспедиціи и оказалъ ей полное содѣйствіе въ ея изысканіяхъ.

Памятники, возведенные древними повелителями Камбоджи, разбросаны по всей странѣ; они потонули въ непроглядной зелени густыхъ лѣсахъ, и отыскать ихъ едва возможно. Этимъ, вѣроятно, объясняется то, что они до сихъ поръ оставались неизвѣстными, и что европейскіе миссіонеры и комерсанты, которые уже много вѣковъ пріѣзжаютъ въ Индо-Китай, не обратили до сихъ поръ вниманія Запада на величественные остатки этихъ сооружений. Только теперь, когда удалось ихъ открыть и изслѣдовать, съ ихъ орнаментистикой, барельефами и сложнѣйшими художественными изображеніями, стало ясно, какая богатая гражданственность погребена подъ этими развалинами.

Историческія свѣдѣнія о Камбоджѣ пока очень скудны. Относящіяся до нея легенды и преданія противорѣчивы, и въ нихъ очень часто правда принесена въ жертву политическимъ предразсудкамъ и вѣковой враждѣ. Въ китайской литературѣ, вообще богатой историческими свѣдѣніями, можно было бы найти кое-что о Камбоджѣ, зависѣвшей нѣкогда отъ Небесной Имперіи, и въ настоящее время, когда стремленіе ознакомиться съ этимъ краемъ болѣе и болѣе возрастаетъ, весьма желательно, чтобы появились

переводчики-синологи, которые пролили бы свѣтъ на историческое прошлое столь любопытной страны. Но пока приходится довольствоваться королевской хроникой Камбоджи и немногими указаніями китайскаго писателя XIII вѣка, переведенными упомянутымъ уже нами синологомъ Абелемъ Ремюзэ.

Камбоджа прежде называлась Кукъ-Телокъ, т.-е. землю телокъ—деревьевъ съ питательными плодами. Потомъ она получила названіе: Нахонъ, Нокоръ и Ангоръ. По извѣстіямъ, переведеннымъ А. Ремюзэ, страна эта, подъ именемъ Чинъ-Ла, платила дань Китаю, въ 616 году. Въ 625 году, она возвратила себѣ независимость, но затѣмъ опять неоднократно подпадала подъ чужеземное владычество.

По преданію, въ VII-мъ вѣкѣ, брамины принесли въ Камбоджу Рамаяну и Магабгарату, и эти поэтическія сказанія нашли себѣ блестящее выраженіе въ барельефахъ ангорскихъ храмовъ. Только съ XIV-го вѣка начинаются точныя историческія свѣдѣнія, находящіяся въ королевской хроникѣ. Изъ нея видно, что Камбоджа постоянно вела борьбу съ сосѣдями, и что въ ней междоусобныя распри чередовались съ войнами противъ сіамцевъ и анамцевъ. Страна то подпадала подъ власть тѣхъ и другихъ, то освобождалась отъ нея. Цѣлые вѣка шла эта борьба. Только въ самое последнее время (1865 г.) французы взяли Камбоджу подъ свое покровительство и, овладѣвъ устьями ея рѣкъ, могли наконецъ защитить эту страну отъ жадныхъ до завоеваній сосѣдей.

Основываясь на данныхъ, представляемыхъ переводомъ А. Ремюзэ, на надписяхъ, читаемыхъ на памятникахъ и въ королевской хроникѣ, можно заключить, что открытые теперь памятники хмерскаго искусства возникли въ долгій періодъ времени съ I по XV, или XVI в. по Р. Хр., и что наиболѣе замѣчательные изъ ихъ числа относятся ко времени между VIII-мъ и XIII-мъ столѣтіями. Въ XIII-мъ вѣкѣ, когда посѣтилъ Камбоджу китайскій писатель, хмерское государство было богато и могущественно. Страна была покрыта роскошными зданіями. Но это процвѣтаніе продолжалось не долго. Вскорѣ наступила продолжительная борьба съ сосѣдями, мало-по-малу уничтожившая хмерское могущество и вмѣстѣ съ тѣмъ убившая хмерское искусство.

Кому же посвящены хмерскіе храмы? Самыя ихъ названія показываютъ, что одни изъ нихъ принадлежали браминской религіи, другіе же—буддійской. Встрѣчающіяся здѣсь изображенія Вишну, четырехголоваго Брами и Сивы, свидѣтельствуютъ, что древніе

хмерцы считали ихъ своими богами. Въ хмерскихъ храмахъ до сихъ поръ сохранились многія изъ подобныхъ изображеній. Такъ Деллапортъ говоритъ, что въ храмахъ Ангкоръ-Вата, въ ряду нѣсколькихъ сотъ каменныхъ изваяній, встрѣчается очень часто четырехрукій Вишну, и что столь же нерѣдко изображенъ Сива, верхомъ на быкѣ; кромѣ того, тамъ является также множество буддійскихъ статуй и изображеній Сакія-Муни ¹⁾, между прочимъ, характерная сцена, служащая какъ-бы эмблемою слиянія двухъ религій: рожденіе Будды при колѣнопреклоненномъ четырехглавомъ Брамѣ. Неизвѣстно, однако, явилась ли одна религія на смѣну другой, и обѣ онѣ уживались рядомъ, или же, можетъ быть, это была одна, смѣшанная религія.

Не менѣе трудно опредѣлить, что за народъ были хмерцы, возведшіе эти загадочные памятники. Тѣмъ не менѣе, на этотъ вопросъ можетъ найдтись отвѣтъ, если къ изученію письменныхъ памятниковъ присоединится внимательное изученіе хмерскихъ скульптурныхъ украшеній и барельефовъ. Въ нихъ съ поразительной отчетливостью изображены характерныя черты внѣшности разныхъ народовъ: рядомъ съ дикаремъ-туземцемъ, стоитъ анамецъ; потомъ слѣдуютъ плотныя и сильныя фигуры татарскаго племени; далѣе, намъ попадаются типы, близкіе къ еврейскому племени, головы индусскихъ браминовъ и воиновъ, очень похожихъ на римскихъ, и, наконецъ, послѣдній типъ, который преимущественно можно считать древне-камбоджскимъ. Типъ этотъ благороденъ, полонъ тонкости и мягкости и, въ нѣкоторыхъ памятникахъ, приближается къ типамъ классической древности. Въ этихъ изображеніяхъ представляется для будущихъ изслѣдователей Камбоджи громадный этнографическій матеріалъ. При помощи того же источника мы можемъ познакомиться и съ внутренней жизнью этой страны.

Плодоносныя равнины ея засѣивались рисомъ; земледѣльцы жили въ хижинахъ, построенныхъ на сваяхъ. Каждый городъ былъ обнесенъ стѣною, внутри которой находились каменные храмы, пагоды, монастыри, бібліотеки, дворецъ, обсерваторія и гаремъ; затѣмъ шли мастерскія разныхъ издѣлій, назначенныхъ для королевскаго двора. Внѣ ограды располагались жилища воиновъ, а также помѣщеніе для колесницъ и боевыхъ слоновъ. Здѣсь же шла торговля съ пріѣзжими купцами. Владѣтели Индо-Китая утопали въ роскоши и владѣли тысячами рабовъ, трудомъ которыхъ

¹⁾ Будды

они главнымъ образомъ пользовались для постройки крѣпостей и священныхъ зданій. Любимыми удовольствіями этихъ властителей были пѣтушине и кабаньи бои, взаимная травля дикихъ звѣрей и бѣга колесницъ, запряженныхъ конями, зебу, буйволами и даже, судя по барельефамъ, оленями и пантерами; они любили также сладострастные танцы полунагихъ баядерокъ. Въ театрахъ представлялись браминскія мистеріи. Скульптурныя изображенія даютъ намъ понятіе о томъ великолѣпнн, съ какимъ совершались торжественные выходы государей. Воины съ копьями открывали шествіе подъ звуки военной музыки; слѣдовавшіе за ними мимы, приплясывая, ударяли въ гонги; звуки трубъ сливались съ грохотомъ барабановъ, въ которые музыканты били колѣномъ, рукою, каблукомъ и локтемъ. Далѣе, слѣдовали воины съ разными чудовищными шлемами на головахъ, вооруженные луками, одѣтые въ шитыя куртки и короткія юбки; они медленно подвигались впередъ, рядами, держа передъ собою свое оружіе. За ними выступали пѣхотинцы въ доспѣхахъ и шлемахъ, съ мечами, копьями, трезубцами, пилами и топорами. За этимъ отрядомъ шли сотни женщинъ, съ діадемами или съ прорѣзными митрами на головахъ; волосы ихъ падали длинными косами, или были коротко обрѣзаны, кромѣ одной пряди на затылкѣ, украшенной колосьями; короткія юбки и поясъ, падающій роскошными складками спереди и сзади, служили имъ одеждою; серьги, ожерелья, запястья въ видѣ змѣй, обручи ниже колѣнъ и ушиколотки, довершали ихъ убранство. Эти одалиски несли металлическіе сосуды, въ которыхъ курился ѳиміамъ. Затѣмъ слѣдовали: внутренняя стража дворца, сановники въ золотыхъ и серебрянныхъ паланкинахъ и королева съ своими приближенными. Шествіе удлиннялось вереницей придворныхъ, несшихъ на подносахъ драгоцѣнные сосуды, знаки королевскаго достоинства, маленькія священные изображенія и статуи боговъ, убранныя драгоцѣнными камнями. Наконецъ, появлялся самъ король, стоя на громадномъ слонѣ и держа въ рукахъ преа-ханъ, или священный мечъ хмерскихъ владыкъ, съ судьбой котораго народъ связывалъ судьбу всего королевства. Кругомъ короля толпились носильщики балдахина и громадныхъ зонтовъ. Царскаго слона сопровождали другіе слоны, съ золочеными клыками, въ ожерельяхъ съ колокольчиками. На каждомъ слонѣ сидѣло понѣскольку воиновъ. Множество всадниковъ замыкало шествіе. Хмерскіе священнослужители преклоняли голову только передъ богами, но народъ падалъ ницъ при слѣдованіи короля. Шествіе двигалось торжественно, по паль-

мовымъ аллеямъ, и проходило черезъ триумфальныя ворота, черезъ роскошныя мосты, отъ одного храма къ другому. Иногда король останавливался и смотрѣлъ на борьбу силачей, на гонку байдаръ, или на водяныя сраженія. Въ другихъ случаяхъ, шествіе направлялось къ пристани. Король со свитой входилъ въ лодку, выдолбленную изъ дерева и изображавшую дракона, и катался по озеру; иногда онъ отправлялся на поискъ священнаго лотоса.....

Какъ долго продолжалась эта блестящая жизнь и могущество хмерскихъ королей?—Надо полагать, около тринадцати вѣковъ. Камбоджа нѣкогда, какъ мы уже видѣли, платила дань Китаю; но, не смотря на это подчиненіе (скорѣе номинальное, чѣмъ фактическое), именно въ этотъ періодъ времени она достигла своего наибольшаго величія. Эпоха паденія началась гораздо позже, вслѣдствіе безконечныхъ войнъ и нашествій, которымъ только французы положили конецъ. Въ настоящее время цивилизація исчезла совершенно изъ этой страны, но ея многочисленныя слѣды даютъ возможность воскресить чудесное прошлое хмерскаго народа и возсоздать удивительныя художественныя памятники, плоды его генія,—однимъ словомъ, обогатить новой, блестящей страницей исторію искусства и человѣчества.

II.

Покинувъ Фномъ-Пенхъ и поднявшись вверхъ по теченію Меконга, французская экспедиція вошла въ воды Великаго Озера, или Тонле-Сапа, лежащаго частью въ Камбоджѣ, частью въ Сіамѣ, на С.-З отъ Кохинхины, подъ 13⁰ сѣв. шир. и 102⁰ вост. долготы. Изъ него она направилась вверхъ по теченію, по одному изъ многочисленныхъ притоковъ, впадающихъ въ озеро съ сѣверо-востока. Страна поражала путешественниковъ своимъ характеромъ. Гиганты-деревья, обвитые ползучими растеніями, прихотливо извивающіяся ліаны, колоссальныя бананы, громадныя мертвыя пни съ сухими, обнаженными сучьями — все это дышало первобытною дѣвственностью..... И нигдѣ — ни признака человѣка! А между тѣмъ, кругомъ кипѣла жизнь: міриады птицъ—пеликаны, утки, бакланы—покрывали озеро; лѣсъ звенѣлъ отъ птичьихъ голосовъ; у береговъ, на водѣ, отдыхали дельфины и громадныя рыбы. Слѣдуя по теченію Стунгъ-Сэна *), французы прибыли въ селеніе Компонгъ-

*) Притокъ Великаго Озера.

Томъ, или «великій рынокъ», — древній городъ, теперь совершенно разрушенный. Близъ него находится гора Фномъ-Сонтукъ, со многими развалинами. Туземцы боятся этой священной горы, охраняемой, по ихъ убѣжденію, богами въ образѣ тигровъ. На верху горы находится пагода; крыша ея увѣшана колокольчиками, звонъ которыхъ раздается по окрестностямъ. Кругомъ пагоды, всѣ скалы, застланныя сплошь дикою растительностью, покрыты изваяніями. Однѣмъ изъ этихъ скалъ придана форма уступчатыхъ пирамидъ, изъ другихъ высѣчены статуи Будды въ разныхъ положеніяхъ, причемъ нѣкоторыя статуи достигаютъ до семи сажень высоты. Онѣ очень хорошо исполнены и свидѣтельствуютъ о глубокой древности своего происхожденія, такъ какъ камбоджцы, уже нѣ-

Изваяніе на скалахъ Фномъ-Сонтука.

сколько сотъ лѣтъ тому назадъ, разучились обрабатывать камень и стали дѣлать своихъ громаднхъ идоловъ изъ кирпичей. Напротивъ пагоды, цѣлая скала, отъ подножья до вершины, отдѣлана сплошь, и ея отвѣсныя стѣны покрыты колоссальными изваяніями. Между ними особенно замѣчательно одно, изображающее громаднаго Будду лежащимъ въ углубленіи и спящимъ. Голова его покоится на подушкѣ; навѣсная каменная глыба служитъ ему сѣнью, а ліаны и сочныя вѣтви другихъ растеній обвиваютъ его тѣло. Можно подумать, что утомленное божество пришло въ эту прохладную и таинственную пещеру отдохнуть отъ своихъ трудовъ. Кругомъ — другія изображенія Будды, а ниже, на таин-

стенныхъ уступахъ, куда спуститься немислимо, видны остатки сооружений, нѣчто въ родѣ навѣсовъ надъ громадными каменными идолами. Все это обвито, переплетено, покрыто зеленью, сучьями и вѣтвями, по которымъ скачутъ обезьяны, ползаютъ громадные гады и порхаютъ разноцвѣтныя птицы.

Пирамида Преа-Тколь.

Наиболѣе любопытныя развалины встрѣчаются въ верхнемъ углу Камбоджи, на сѣверъ отъ Великаго Озера, каковы, напри- мѣръ: пирамида Преа-Тколь, Преа-Томри (пирамида священнаго

слона) и Понтэ-Преа-Ханъ (крѣпость священнаго меча), а также, въ смежномъ съ Камбоджею Сіамѣ, на сѣверо-восточномъ концѣ того же озера, каковы, на примѣръ, развалины древняго Ангкора и другія.

«Преаза», или пирамида Преа-Тколь, представляетъ собою въ высшей степени характерное произведеніе хмерскаго зодчества. Передъ нею расположены два священныхъ пруда, или «сра», разделенныхъ вымощенной насыпью. Два великана, опирающіеся на палицы, и два фантастическихъ льва охраняютъ врата. Четыре входа пирамиды въ настоящее время разрушены, но изваянія, которыя покрывали ее отъ основанія до вершины, уцѣлѣли. Сначала идетъ, вдоль по цоколю, рядъ колѣнопреклоненныхъ фигуръ со сложенными руками; надъ ними выступаютъ изъ стѣны четыре трехголовыхъ слона, обрамленныхъ каждый двумя группами молящихся фигуръ. Хоботы слоновъ держатъ листву и упираются въ цоколь, а головы ихъ поддерживаютъ первый карнизъ. Въ слѣдующемъ ярусѣ, размѣщены четыре большія «круты» или священные птицы Вишну, съ орлинымъ клювомъ и женскимъ туловищемъ. По бокамъ отъ нихъ, торчатъ придавленные ими многоглавые гады; сами круты сидятъ верхомъ на головахъ чудовищъ Реу, поддерживая головами и руками второй карнизъ. Реу, по ученію хмерцевъ,—самый могущественный изъ дьяволовъ: онъ укралъ воду безсмертія, за что богъ Индра отсѣкъ ему голову; но демонъ-воръ уже успѣлъ омочить губы въ божественномъ напиткѣ; голова его сдѣлалась недоступною для смерти, и съ тѣхъ поръ онъ непрестанно носится въ воздухѣ. Отвратительная фигура Реу является любимымъ хмерскимъ украшеніемъ: очень часто это чудовище ползетъ по низу фронтоновъ, или карнизовъ входныхъ дверей; глаза его вытаращены, зубы оскалены; онъ окруженъ вѣтвями, которыя выходятъ изъ его пасти и зажаты когтями сухощавыхъ лапъ, полуприкрытыхъ огромными челюстями *).

Надъ карнизомъ, поддерживаемымъ крутами, помѣщено на каждомъ углу по пяти птицъ—полу-совъ, или полу-орловъ. Надъ всѣмъ этимъ возвышается пирамидальная, многоэтажная верхушка; большія лица божествъ помѣщены въ тройныхъ щипцахъ, которые расположены уступами надъ четырьмя входами. «Тевады», или духи неба, въ видѣ прекрасныхъ полунагихъ и богато убранныхъ женщинъ, занимаютъ ниши угловыхъ пилястръ. Множество мел-

*) Изображеніе его будетъ приложено въ концѣ настоящей статьи.

кихъ изваяній дополняютъ эту фантастическую отдѣлку, наивное исполненіе которой нѣсколько напоминаетъ произведенія средне-вѣковой Европы. При раскопкахъ восточнаго входа стѣны, была найдена каменная статуя, у которой ноги и восемь рукъ были отбиты, а выразительная и тонко изваянная голова уцѣлѣла. Статуя эта, находящаяся теперь въ музеѣ хмерскихъ древностей въ Парижѣ, изображаетъ, по всей вѣроятности, буддійскаго святаго, или бога, и представляется цѣлымъ камбоджскимъ пантеономъ. Вся она составлена изъ множества маленькихъ сидячихъ и молящихся фигуръ: колечки ея кольчуги — маленькія фигурки, ея поясъ и воротникъ — маленькіе божки; даже самые ея волосы образуются изъ карликовъ.

III.

«Преаза-Преа-Томри», пирамида священнаго слона, — замѣчательнѣйшее въ своемъ родѣ произведеніе. Она имѣетъ девять сѣ половиною сажень въ сторонѣ и около трехъ слишкомъ сажень высоты. Восемь статуй боговъ-хранителей и восемь львовъ, расположенныхъ по верху лѣстницъ, окружали первоначально ея площадку. Это убранство дополнялось по угламъ четырьмя слонами. Эти изваянія оказались по большей части разбросанными по разнымъ мѣстамъ во время прихода французовъ, что, повидимому, было сдѣлано скорѣе людьми, чѣмъ временемъ. Одинъ только слонъ еще стоялъ на мѣстѣ. Это былъ именно «Преа-Томри» или «священный слонъ», котораго не осмѣлились тронуть сіамскіе завоеватели. Хотя эта пирамида своей формою и напоминаетъ надгробные памятники нѣкоторыхъ народовъ, однако ее нельзя считать за гробницу. На площадкѣ пирамиды нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какого бы то ни было святилища, а въ срединѣ находится полузасыпанный колодезь, аршина въ полтора въ поперечникѣ и въ нѣсколько аршинъ глубиною. На первый взглядъ, его легко можно принять за могилу; но, по преданію, онъ былъ сокровищницей,

Слонъ Преа-Томри.

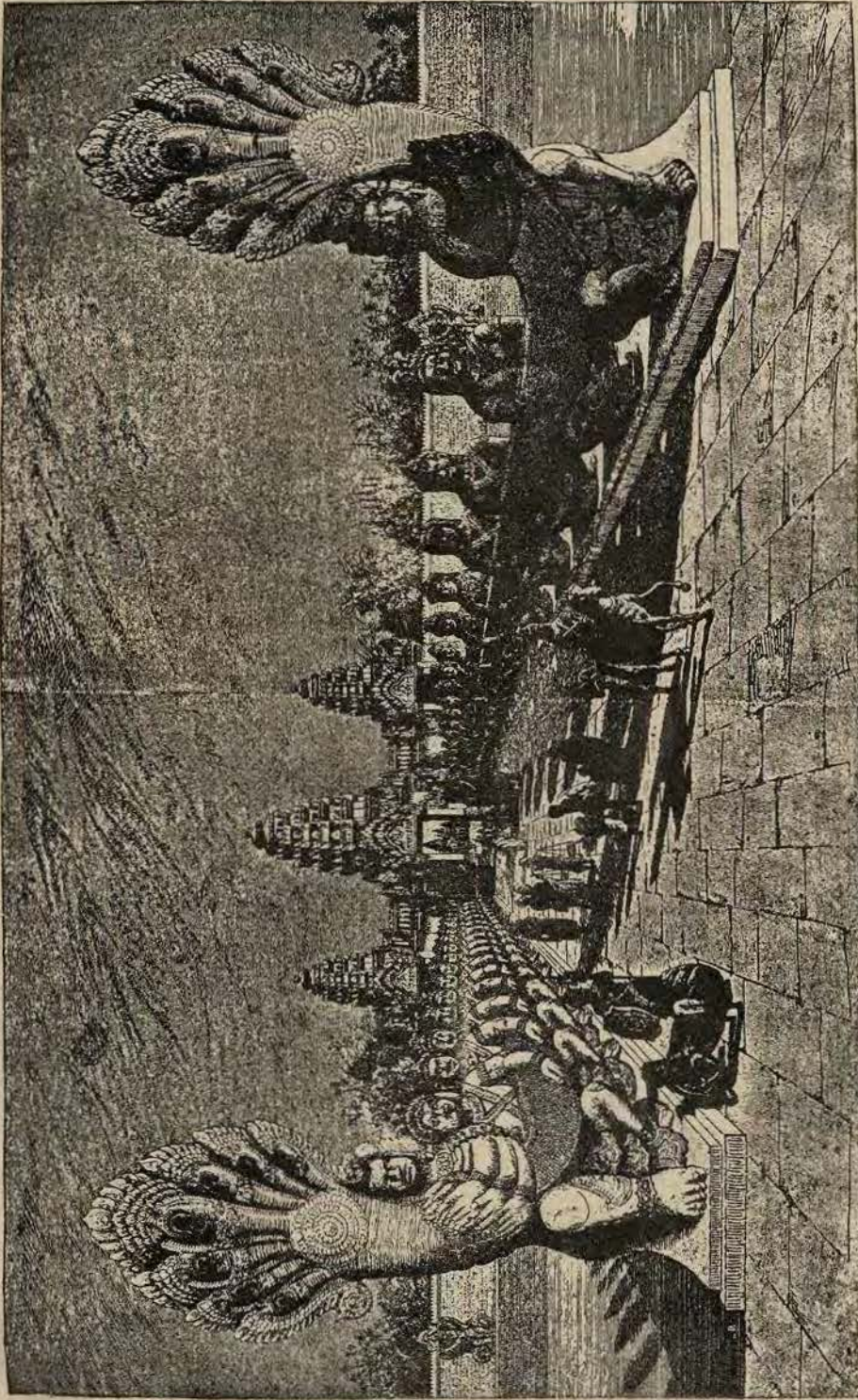
предназначенной для хранения золота и драгоценных камней мѣстнаго божества. Дѣйствительно, у камбоджцевъ и въ настоящее время устраиваются въ святилищахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ ихъ идолы, подобнаго рода углубленія для хранения драгоценностей. Теперь, послѣ утраты странюю независимости, всѣ эти статуи ниспровергнуты, а храмы разрушены и опустошены.

Развалины «Понтэ-Преа-Хана», «крѣпости священнаго меча», расположены недалеко отъ сіамской границы и занимаютъ собою около двухъ съ половиною квадр. верстъ, со включеніемъ сюда и священнаго пруда. Прудъ этотъ, или «Сра», высыхающій въ лѣтнее время, занимаетъ огромное пространство, окруженное съ четырехъ сторонъ насыпью. Онъ соединяется съ «Понтэ», или крѣпостью, дорогой, обставленной толстыми четырехугольными столбами, на которыхъ высѣчены фигуры. Дорога доходитъ до парка, окруженнаго ровомъ и валомъ въ двадцать слишкомъ сажень ширины. По бокамъ моста тянутся фризы, покрытые сильно-выступающими изваяніями.

Здѣсь мы видимъ своеобразные парапеты, составленные изъ громадныхъ семиглавыхъ драконовъ, или «нага». У каждаго изъ нихъ, то мѣсто, гдѣ шея раздѣляется на семь шеекъ, прикрито нѣжно-изваянной розеткой. Нижняя часть тѣла и каждая отдѣльная шейка усѣяны рубчиками, въ видѣ колець, или складокъ кожи. Онѣ представляютъ собою большую и спокойную вертикальную поверхность, перерѣзанную лишь богатыми ожерельями. Игра свѣта и тѣни прибережена для головъ, которыя, благодаря двойнымъ рядамъ своихъ острыхъ зубовъ, рѣзко выступающимъ на темномъ фонѣ раскрытой пасти, а также своимъ раздутымъ ноздрямъ и сильнымъ складкамъ около вытаращенныхъ глазъ, имѣютъ страшный и угрожающій видъ.

Вокругъ каждой головы идутъ вѣнчикомъ четыре концентрическихъ ряда листьевъ, имѣющихъ типически-хмерскій характеръ: изгибающіеся по всѣмъ направленіямъ и украшенные внутри завитками и маленькими черными точками, они, по тонкости работы, кажутся чисто ювелирнымъ издѣльемъ. Изъ рядовъ этихъ листьевъ выступаютъ для каждой головы по четыре уха, или, лучше сказать, по четыре большихъ листа въ формѣ ушей.

Поразительно длинныя змѣиныя туловища драконовъ поддерживаются двумя рядами великановъ, сидящихъ накорточкахъ, въ сильно напряженномъ положеніи. У первыхъ изъ нихъ—по пяти лицъ и по десяти рукъ, а у послѣднихъ—по три головы и по де-

Входъ Понтэ-Преа-Хана.

вяти лицъ, расположенныхъ такимъ образомъ, что у нижней головы—четыре лица, у второй головы—также четыре лица, и наконецъ у послѣдней, верхней, одно лицо. Прочіе, промежуточные великаны—обыкновенные, хотя сильные и коренастые люди, ростомъ аршинъ въ семь или восемь. На всѣхъ на нихъ—богатыя украшенія. Лица у нихъ, попеременно, то правильныя, то искаженныя; первыя принадлежатъ, повидимому, богамъ, вторыя—злымъ духамъ. Расположеніе этихъ фигуръ было, очевидно, рассчитано на то, чтобы дѣйствовать на воображеніе поклонниковъ, приходившихъ въ храмъ; головы драконовъ каждой балюстрады были обращены къ дорогѣ, такъ что взоры ихъ устремлялись на прохожихъ: они, казалось, готовы броситься на всякаго, если бы только ихъ не удерживали таинственные усилія великановъ.

Въ концѣ моста находились три большія входныя башни: средняя башня—въ четыре яруса, двѣ боковыя—въ два. Длинная зубчатая стѣна была подперта, на подобіе контрфорсовъ, громадными «гарудами», убранными запястьями, ожерельями и тонко высѣченными поясами; крылья у нихъ были распущены, а поднятыя кверху руки поддерживали карнизъ. Голова каждой изъ этихъ громадныхъ птицъ была обрамлена стрѣльчатымъ щипцомъ, поднимавшимся гораздо выше стѣны. Это фантастически-величавое убранство повторялось на каждой сторонѣ стѣны.

Хотя крѣпость Преа-Ханъ разрушена и окончательно погублена растительностью, однако, на основаніи того, что отъ нея осталось, можно съ точностью возстановить ея первоначальный видъ. Одинъ изъ членовъ французской экспедиціи, Булье выстроилъ себѣ, среди развалинъ, палатку и поселился въ ней съ товарищами для того, чтобы снять подробный и точный планъ погибшей крѣпости. Но множество ядовитыхъ змѣй мѣшало изслѣдователямъ, и они могли работать только тогда, когда туземцы били бамбуковыми палками по травѣ и деревьямъ, чтобы разогнать смертоносныхъ гадинъ. Вотъ, что оказалось за крѣпостною стѣною: въ трехъ стахъ шагахъ отъ восточнаго входа, въ паркѣ, возвышалась терраса, окруженная статуями; немного далѣе шла колончатая галерея въ шестьдесятъ-пять саж. длины, съ пятью-десятью входами и тремя башнями: затѣмъ, въ срединѣ, высилось сорокъ верхушекъ «преазъ», расположенныхъ симметрично вокругъ большаго средняго пяти-яруснаго храма. Множество маленькихъ зданій, башенъ и башенокъ дополняло картину этого архитектурнаго произведенія, самаго волшебнаго изъ всѣхъ созданій хмерскаго искусства.

Таковы наиболѣе характерные образцы хмерскаго зодчества, лежащіе въ предѣлахъ собственно Камбоджи. Деллапортъ описываетъ еще многія другія зданія, каковы, напр., развалины Мелеа, Понтэ-Ка-Кео, Ловекъ и пр. Мы не будемъ на нихъ останавливаться, такъ какъ описаніе ихъ заняло бы слишкомъ много страницъ, и перейдемъ къ развалинамъ, находящимся въ предѣлахъ Сіама.

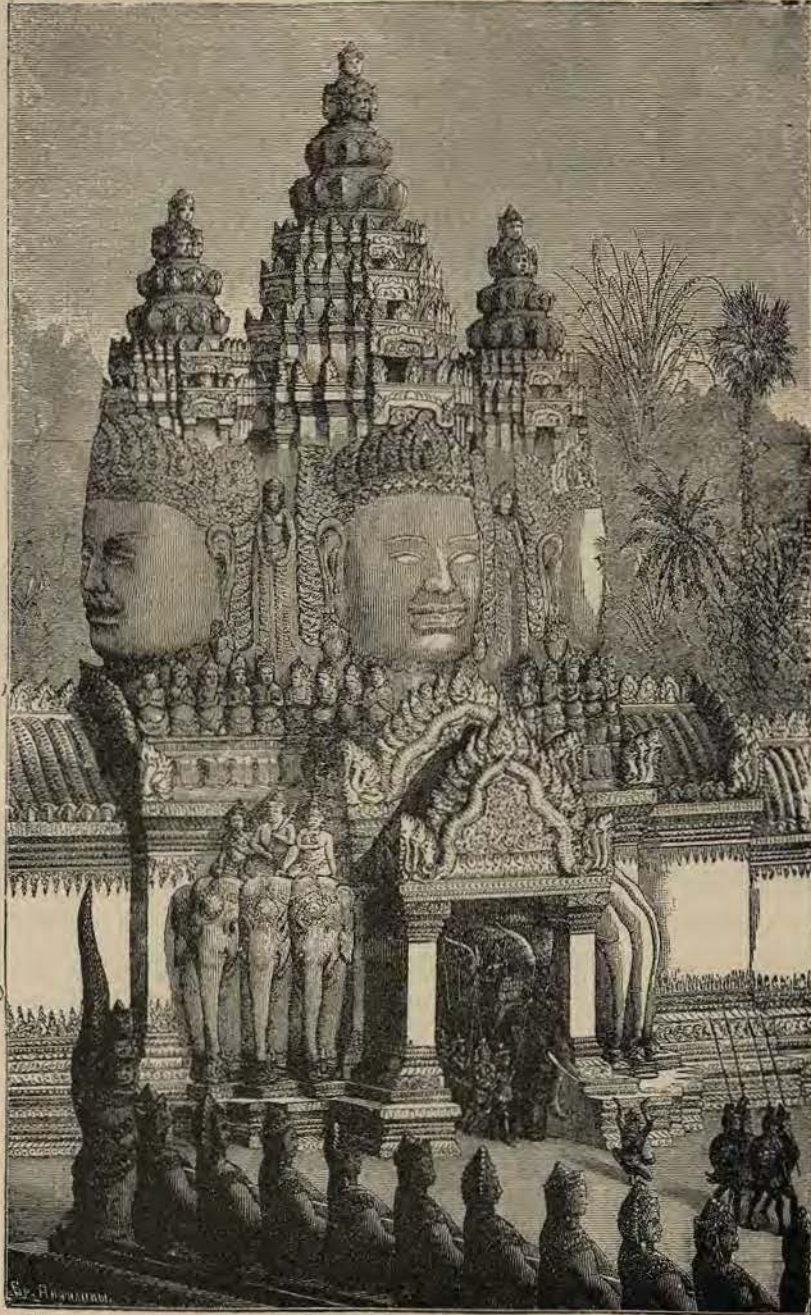
IV.

Важнѣйшими развалинами въ сіамскомъ царствѣ должны считаться остатки Ангкора, древней столицы Камбоджи, лежащіе у самаго сѣвернаго угла «Великаго Озера».

Ангкоръ Великій нѣкогда занималъ собою площадь въ 11 квадратныхъ верстъ. Его крѣпкія стѣны имѣютъ слишкомъ четыре сажени вышины; онѣ убраны наверху стрѣльчатыми зубцами, въ родѣ зубцовъ индѣйскихъ крѣпостей. Изнутри стѣны опираются на толстый земляной валъ, а снаружи защищены громаднымъ рвомъ со множествомъ мостовъ, перила которыхъ поддерживаются пятьюстами «якшей», или великановъ. Должно считать исключительнымъ примѣромъ, что въ городѣ этомъ двое воротъ, обращенныхъ на востокъ: южныя ворота, служившія священнымъ входомъ, назывались «Вратами Мертвыхъ» и вели къ байонскому храму, любопытнѣйшему изъ остатковъ Ангкора. Дорога къ этому храму идетъ черезъ «Мостъ Мертвыхъ», между двумя громадными семиглавыми драконами, растянувшимися съ обѣихъ сторонъ и поддерживаемыми двумя вереницами изъ пятидесяти-четыреухъ боговъ и великановъ. Нѣчто подобное мы видѣли при входѣ въ Преа-Ханъ. Далѣе, дорога проходитъ чрезъ главныя врата входной башни, или «Врата Мертвыхъ». При основаніи башни, двѣнадцать слоновъ, по три на каждомъ углу, поддерживаютъ двѣнадцать боговъ; надъ ними идетъ вереница молящихся фигуръ, а выше — громадная голова Брамь, четыре лика котораго раздѣлены большими фигурами нагихъ женщинъ. На головѣ у Брамь — тройная тіара, верхушки которой оканчиваются маленькими головками.

За священнымъ мостомъ рисуется среди зелени колоннада: она переходитъ въ прекрасную галерею, которая ведетъ къ цѣлому лѣсу башенокъ, нагроможденныхъ вокругъ главнаго зданія, украшеннаго колоннами и колоколенками и оканчивающагося высокою вершиной.

Байонскій храмъ—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, самобыт-
ныхъ и разукрашенныхъ памятниковъ древней Камбоджи. Зданіе

Врата Ангкора Великаго.

увѣнчано пятьюдесятью одной башенкой очень богатой архитектуры.

Средняя его часть можетъ считаться единственнымъ произведеніемъ въ своемъ родѣ: на ея слегка овальномъ основаніи, окруженномъ двурусными портиками, помѣщены десять воздушныхъ башенокъ и третій ярусъ, въ срединѣ котораго возвышается четырехликая голова Брамь, въ громадной тиарѣ. Фантазія хмерскихъ архитекторовъ выразилась въ этомъ сооруженіи во всей своей оригинальности. Не смотря на громадные размѣры и изысканное разнообразіе деталей, здѣсь не замѣтно никакой натяжки, никакой принужденности. Если въ позднѣйшихъ памятникахъ, какъ, напр. въ Ангкоръ-Ватѣ и Мелеа, нѣкоторыя украшенія правильнѣе и совершеннѣе, чѣмъ въ описанномъ храмѣ, то здѣсь наивность исполненія представляетъ особенную привлекательность. На каждомъ шагу, богатство и причудливость фантазіи художника проявляютъ себя какимъ-нибудь неожиданнымъ мотивомъ, и всюду на камнѣ отражаются личныя особенности зодчихъ. Еще и теперь вокругъ памятника валяются осколки камней, остатки сводовъ и всевозможные обломки, среди которыхъ встрѣчаются превосходныя изваянія. Но главнымъ образомъ эти развалины изумляютъ обработанностью мелочей: нѣкоторыя изъ скульптурныхъ украшеній поразительны по тонкости и изяществу исполненія.

Байонъ—единственный храмъ, окруженный двойнымъ рядомъ галерей, украшенныхъ изваяніями. Если бы ихъ вытянуть въ линію, то барельефы, которыми они покрыты, заняли бы болѣе пятисотъ-пятидесяти сажень. Въ нихъ насчитывается до одиннадцати тысячъ фигуръ людей и животныхъ. Хотя большая часть этихъ изваяній обратилась теперь въ осколки, однако и то, что осталось, представляетъ громадный интересъ для археолога и художника.

Но изученіе этихъ остатковъ дается не легко: развалины храма до того затянуло густою растительностью, что шестьдесятъ человекъ туземцевъ должны были цѣлыхъ двѣнадцать дней расчищать дорогу къ нему. Не мало труда потребовалось и для того, чтобы возстановить, по сохранившимся формамъ, первоначальный видъ храма—памятника тѣхъ далекихъ временъ, когда хмерское царство было разсадникомъ цивилизаціи, своимъ богатствомъ и могуществомъ спорившей съ цивилизаціею самыхъ блестящихъ государствъ Великой Индіи.

Настоящее положеніе байонскаго храма крайне печально. Ни одна его башенка не уцѣлѣла — всѣ онѣ разрушены страшною силою растительности. Громадныя полуразбитыя человѣческія лица

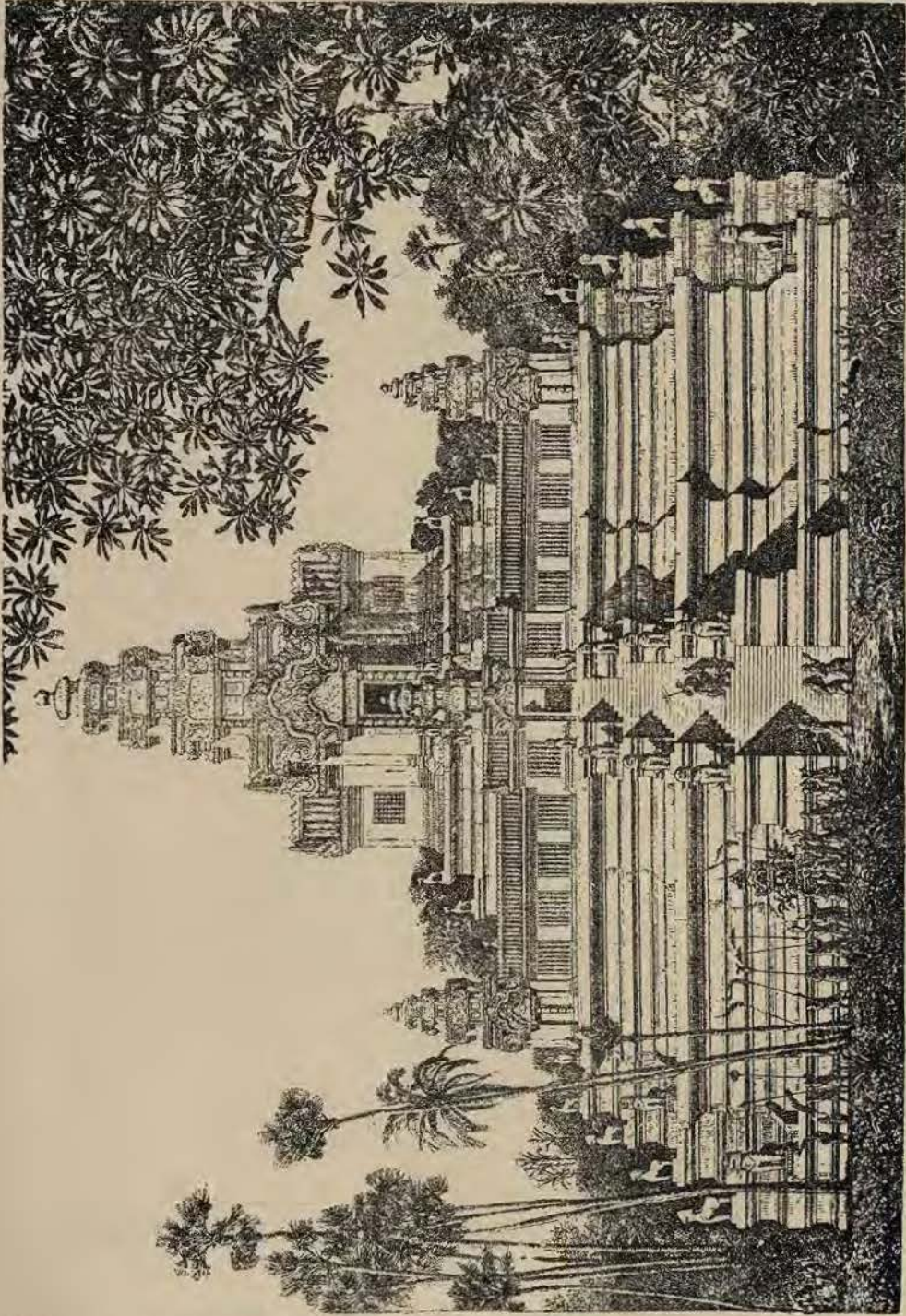
кажутся искаженными, и только нѣкоторыя изъ нихъ сохранили свое первоначальное мягкое и смѣющееся выраженіе. Но

Видъ байонскихъ развалинъ.

они являются исключеніемъ, и надо ожидать, что очень скоро

ЭТОТЪ ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ СВОЕМЪ РОДѢ ХРАМЪ БУДЕТЪ ПРЕСТАВЛЯТЬ

Пирамида Пиманака.

лишь безформенную гряду развалинъ. Роскошная растительность

пронизала и затянула его со всѣхъ сторонъ; въ одной изъ его галерей, стволы деревьевъ разрушили столбы, и теперь, вмѣсто нихъ, сами поддерживаютъ своды. Проливные дожди и бури довершаютъ разрушительную работу деревьевъ. Части дивнаго храма, глыба за глыбой, обваливаются, и онъ, если не сегодня, такъ завтра, очутится погребеннымъ подъ собственными развалинами.

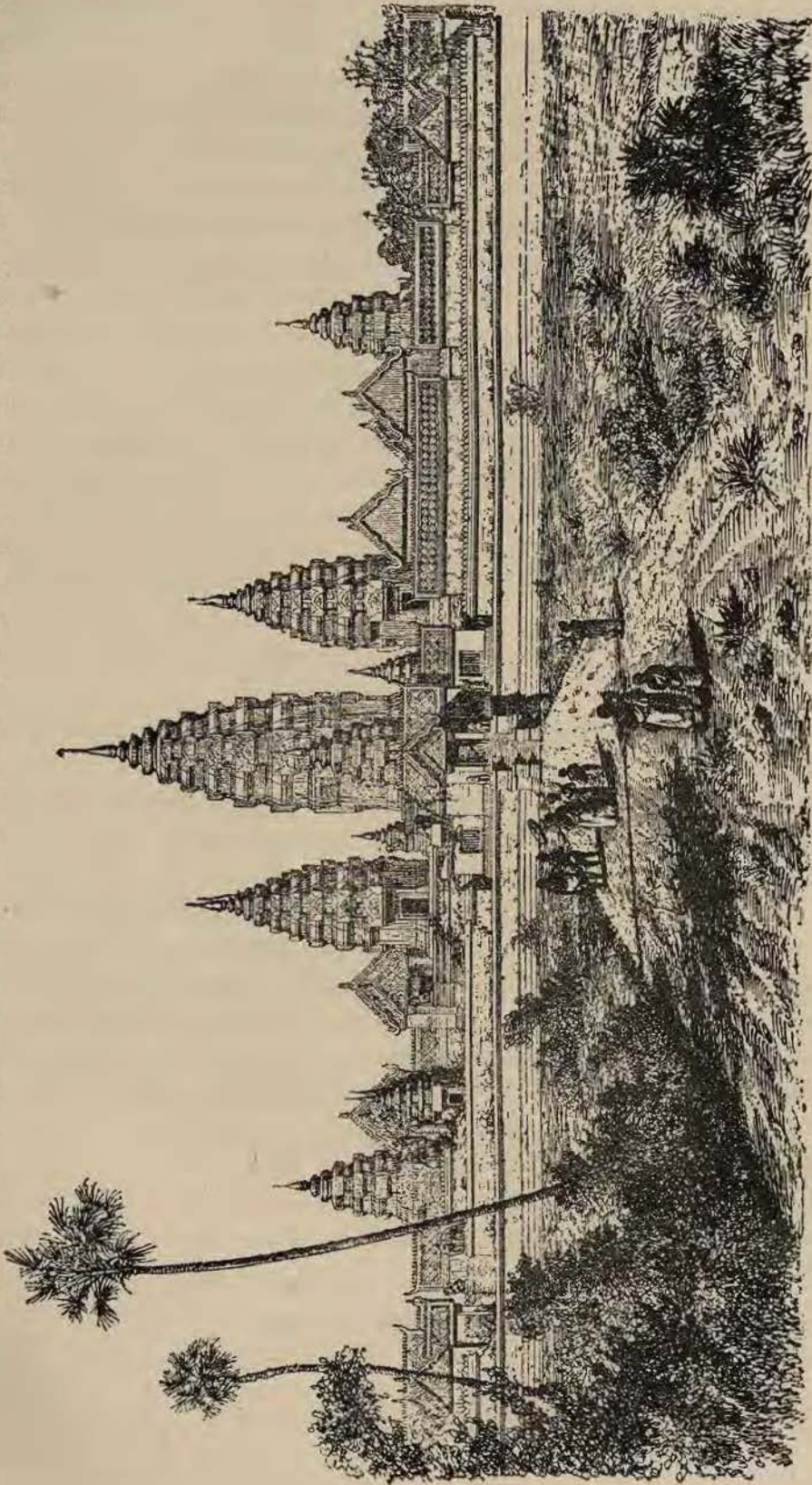
Кромѣ байонскаго храма, въ Ангкорѣ замѣчательны еще остатки террасъ и пирамиды «Пиманака», лежащей въ самомъ центрѣ древняго города, на предполагаемомъ мѣстѣ бывшаго дворца хмерскихъ королей. Пирамида не очень велика; глубокіе обломы покрываютъ ея поверхность, и восемьдесятъ львовъ расположены на ея уступахъ, снизу до верху. Развалины этой интересной пирамиды въ настоящее время также сплошь опутаны вьющимися растеніями; но и черезъ ихъ густую листву можно различить ея превосходныя пропорціи и возстановить первоначальный видъ сооруженія.

Что касается до террасъ, то онѣ обрамляли паркъ пирамиды на протяженіи почти ста-сорока саж. На террасы вели пять лѣстницъ, на барьерныхъ выступахъ которыхъ стояли львы и «нага». Ихъ подпорныя стѣнки были покрыты также изваяніями. На стѣнахъ нѣкоторыхъ террасъ встрѣчаются цѣлые ряды фигуръ королей-воиновъ; одни изъ нихъ опираются на мечъ, другіе держатъ въ рукахъ скипетръ или палицу; каждая фигура окружена женщинами, подающими ей цвѣты лотоса. Это, безъ сомнѣнія, — изображеніе какой-нибудь древней королевской камбоджской династіи.

Кромѣ такихъ высокихъ пирамидъ, встрѣчаются въ хмерскомъ искусствѣ пирамиды иного вида, а именно представляющія собою нѣсколько обширныхъ, хотя и невысокихъ площадей, расположенныхъ одна надъ другой, и наверху, почти сплошь, заставленныхъ разными отдѣльными зданіями. Въ отличіе отъ предыдущихъ, онѣ могутъ быть названы «плоскими».

Одною изъ самыхъ замѣчательныхъ пирамидъ подобнаго рода является пирамида Ми-Бома. Она имѣетъ около семидесяти сажень въ сторонѣ основанія; ея плоскіе уступы представляютъ въ планѣ простую квадратную форму и заняты многочисленными надстройками.

Не говоря уже о лѣстницахъ, охраняемыхъ на каждомъ уступѣ львами слегка китайскаго характера, мы видимъ здѣсь, прежде всего, на первой террасѣ, аршинъ семь отступя отъ края, небольшую стѣну, окружающую цѣлый рядъ смежныхъ зданій. Затѣмъ, по окружности второй террасы стоятъ слоны, съ вѣнцами на голо-

Храмъ Ми-Бома.

вахъ, и лѣплятся чудовища, пасти которыхъ замѣняютъ относы водосточныхъ трубъ; наконецъ, въ срединѣ, находится послѣдняя ограда съ высокими входными папертями. Внутри ея расположены попарно, по бокамъ двухъ главныхъ, взаимно перпендикулярныхъ осей, близъ входныхъ папертей, восемь башенокъ и столько же небольшихъ зданій по угламъ. Надо всѣмъ этимъ высятся четыре большія «преазы» и, наконецъ, по срединѣ, самое святилище.

Здѣсь общее впечатлѣніе получается главнымъ образомъ не отъ нижняго массива, а отъ постепеннаго пониженія вершинъ башенъ. Верхняя терраса возвышается только на пять саженъ надъ уровнемъ мѣста — возвышеніе очень незначительное, сравнительно съ громаднымъ протяженіемъ основанія. Нижній массивъ, почти совершенно скрытый поставленными на немъ зданіями, имѣетъ цѣлью лишь усиливать общее впечатлѣніе, увеличивая собою высоту преимущественно средней группы пяти главныхъ «преазъ». Эти преазы рѣзко выдѣляются изъ общаго, испещреннаго стрѣлками, колоколенками башенъ и гопуръ, щипцами и зубцами отдѣльныхъ построекъ. Всѣ эти сооруженія, на первый взглядъ, кажутся покоящимися на простомъ подножіи, образованномъ первымъ уступомъ пирамиды.

Въ святилищѣ Ми-Бома замѣчательна еще одна особенность: безчисленное множество маленькихъ цилиндрическихъ дырочекъ, служившихъ, по увѣренію туземцевъ, для прикрѣпленія вызолоченной металлической обложки, начиная съ того мѣста, гдѣ кончались послѣдніе узоры на кирпичахъ.

Наконецъ, рядомъ съ этими послѣдними храмами, расположенными въ обширныхъ равнинахъ и воздвигнутыми единственно человѣческими руками, существуютъ другіе памятники, въ которыхъ основная масса — произведеніе самой природы. Это — скалистые холмы, превращенные хмерскими зодчими въ уступчатая пирамиды. Излишне было бы говорить, что онѣ относятся къ одной категоріи съ первыми пирамидами, хотя и отличаются отъ нихъ способомъ сооруженія.

Обозрѣвъ въ предыдущемъ изложеніи образцы хмерскаго зодчества, обратимся къ ваянію древней Камбоджи.

(Окончаніе будетъ)

ВѢСТНИКЪ

ИЗЯЩНЫХЪ

ИСКУСТВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ
ХУДОЖЕСТВЪ

Томъ IV — 1886 — Выпускъ 6

РИС. В. ХАРЛАМОВЪ

СОДЕРЖАНІЕ

выпуска 6-го, тома IV-го.

Текстъ:	Стр.
Хмерское искусство. Статья Н. В. Султанова (Окончаніе)	421
Тайная Вечера Ліонардо да-Винчи. Статья Эрика Франца (Окончаніе). .	434
Техническія замѣтки по живописи, П. Я. Аггеева. II. Краски старыхъ русскихъ иконописцевъ	450
Очерки художественно-промышленныхъ производствъ, Д. В. Григоровича. II. Ваяніе и рѣзба изъ дерева	465
Рисунки, приложенные къ настоящему выпуску	497

Иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ:

«Дѣти и ягнята», картина И. А. Пелевина.
«Мильтонъ диктуеть своимъ дочерямъ Потерянный Рай», картина М. Мункачи.
«Полѣсовщикъ», картина Н. П. Загорскаго.
Часть рѣзныхъ изъ дерева сѣдалищъ хора въ Сіенскомъ соборѣ.
Рѣзная изъ дерева рама, работы Брустолоне.
Рѣзной изъ дерева крестъ, аѳонской работы, изъ собранія г. Базилевскаго.

Фототипіи
В. И. Штейна.

Иллюстраціи въ текстѣ:

Иллюстраціи къ статьѣ Н. В. Султанова о хмерскомъ искусствѣ: 1) «Пахтанье молочнаго моря», барельефъ Ангкоръ-Вата (стр. 421), 2) Рама, несомый Гану-маномъ (стр. 423), 3) Фризъ западной двери въ Ангкоръ-Ватѣ (стр. 425), 4) Левъ, стражъ лѣстницы Преа-Хана (стр. 426), 5) Голова Будды, изъ галерей Понте-Преа-Хана (стр. 431), 6) Ручка глиняной вазы, изъ развалинъ Ангкоръ-Тома (стр. 433).

Иллюстраціи къ статьѣ Д. В. Григоровича о ваяніи и рѣзбѣ изъ дерева: 1) Статуя Ра-эмъ-ке (стр. 446), 2) Деревянная дверь въ церкви Галиндаала (стр. 472), 3) Изображеніе св. Франциска Ансзскаго, работы Алонсо Кано (стр. 484), 4) Часть царскихъ вратъ, псковской работы (стр. 490), 5) Форма для пряниковъ (стр. 492).

Восемь виньетокъ и заставокъ въ началѣ и концѣ статей (стр. 434, 449, 450, 464, 465, 496, 497 и 500).

ВѢСТНИКЪ
ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУСТВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. И. СОМОВА

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Выпускъ 6

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

1886

Паханье молочного моря (барельефъ Ангкоръ-Вата).

ХМЕРСКОЕ ИСКУСТВО.

Статья Н. В. Султанова.

(Окончаніе ¹)

V.

ы уже представили образцы хмерскаго ваянія въ первой половинѣ нашей статьи, каковы напр. статуя Будды въ скалахъ Фномъ-Сантука, слонъ Преа-Томри, перила входа Понте-Преа-Хана и врата Ангкора Великаго. Теперь мы приводимъ еще нѣсколько образчиковъ, которые вмѣстѣ съ предыдущими, могутъ дать нѣкоторое понятіе объ этой отрасли хмерскаго искусства ²).

Произведенія этого рода встрѣчаются въ двухъ главныхъ видахъ: или какъ отдѣльныя, самостоятельныя изваянія, или какъ неразрывныя части одного архитектурнаго цѣлаго. Очень часто барельефы безконечными поясами покрываютъ громадныя стѣны хмерскихъ храмовъ. Въ нихъ мы видимъ, какимъ образомъ въ воображеніи хмерскихъ художниковъ подвиги героев сливаются съ дѣяніями боговъ. Возьмемъ для примѣра храмъ Ангкоръ-Вата. Въ

¹) Начало см. въ перв. книж. Вѣстн. из. иск. за настоящій годъ.

²) Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ излагаемымъ нами предметомъ отсылаемъ къ книгѣ Делпорта, въ которой воспроизведена масса этихъ образчиковъ. Намъ, связаннымъ узкими предѣлами журнальной статьи, пришлось ограничиться указаніемъ лишь на особенно типичныя изъ этихъ памятниковъ.

сѣверной половинѣ одной изъ его галерей изображены великія битвы, гдѣ можно узнать нѣкоторые эпизоды изъ Рамаяны, между прочимъ борьбу царя Айодіи-Рамы, седьмаго воплощенія Вишну, съ Раваной, владыкою Цейлона, похитителемъ жены его, прекрасной Ситы. Но это сказаніе представлено не въ томъ видѣ, какъ оно усвоено воображеніемъ индусскаго поэта; это—скорѣе какая-то баснословная эпопея, въ которой хмерскій гений правдиво сплелъ подвиги боговъ съ подвигами покорителей Камбоджи.

Не останавливаясь пока на подробностяхъ, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о способахъ изображенія фигуръ хмерскими ваятелями.

Ростъ бойцовъ, изображающихъ государей и боговъ, не болѣе роста простыхъ воиновъ; ихъ позы, по свидѣтельству Делапорта, такъ хороши, что нѣкоторыхъ изъ нихъ можно принять за героевъ Гомера, изваянныхъ древне-греческимъ рѣзцомъ. Наоборотъ, злыя божества и фантастическіе демоны представлены великанами съ искаженными лицами. Главнымъ воинамъ даны самыя разнообразныя положенія: они то стоятъ на колесницѣ, то опираются на крестецъ своихъ коней, то помѣщаются на головахъ слоновъ, или на дышлахъ колесницъ. Ихъ окружаетъ многочисленная прислуга съ зонтиками въ рукахъ, съ опахалами и другими знаками могущества ея господъ. Налѣво отъ главнаго входа, изображена «Пѣснь Битвъ»—седьмая пѣснь Рамаяны. Отрядъ обезьянъ, союзницъ царя Рамы, сражается съ Якшами, злыми духами. Битва идетъ страшная: морды четверорукихъ искажены яростью; они дерутся палицами и рвутъ зубами враговъ въ клочки. На приложенномъ рисункѣ (рис. 1) герой, обезьяна Гунисси (Гануманъ), исполненный ярости, увлекаетъ на своихъ плечахъ воина на встрѣчу великана, предводителя многочисленной рати; одной рукою Гануманъ мечетъ кусокъ скалы, а другою указываетъ на врага. Это—первый бой, данный Рамою его страшному противнику. Равана истребилъ многихъ героевъ, только, что отразилъ приступы Ганумана и повергъ на землю брата Рамы; но эти неудачи еще больше распалили ярость неустрашимаго героя, и Гануманъ снова ринулся на врага. Этотъ именно моментъ изображенъ на барельефѣ.

Кромѣ подобныхъ воинственныхъ изображеній, есть также картины мирной жизни: женщины, рвущія цвѣты въ саду, пѣтушиные бои, Сита съ приближенными, группы святыхъ въ лѣсу и пр.

Барельефы юго-восточной части храма посвящены исторіи змѣи Ананты — извѣстному камбоджскому сказанію. Чудовище изобра-

жено прежде всего въ морѣ, среди множества другихъ змѣй, рыбъ, крокодиловъ и гадовъ; затѣмъ Ананта представлена въ другомъ положеніи, какъ это видно на заставкѣ, помѣщенной въ заголовкѣ настоящей статьи ¹⁾. Ананта обвилась вокругъ горы Меру, оси земли, которую Вишну, въ образѣ черепахи, поддерживаетъ спи-

Рис. 1. Рама, несомой Гануманомъ (Хмерскій музей).

ною, не допуская ея упасть въ море. Злые духи тащатъ нагу (змѣю) за голову, а боги—за хвостъ. Отъ этихъ противоположныхъ усилій, Меру вертится, и изъ вспаханнаго чрезъ то молочнаго моря выходитъ Амрити, или некторъ безсмертія. На концѣ большой

¹⁾ Подъ этой заставкой, въ первой нашей статьѣ о хмерскомъ искусствѣ, по ошибкѣ, помѣщена подпись: «Баядерки неба», вмѣсто которой слѣдуетъ читать: «Паханье молочнаго моря», барельефъ Ангоръ-Вата.

змѣи возсѣдаетъ четырехрукое божество. Съ высоты горы на всю эту сцену смотритъ съ любопытствомъ небольшая колѣнопреклоненная фигура, а сверху, съ одного конца до другаго, тянутся вереницами тевады, изображающія небо.

Делапортъ описываетъ нѣчто подобное же, повѣствуя о развалинахъ Ватъ-Экъ, въ которыхъ на одномъ изъ камней, валявшихся на землѣ, онъ нашелъ слѣдующее изображеніе: веревку, привязанную посрединѣ къ палкѣ, воткнутой въ землю, за одинъ конецъ тянутъ женщины, а за другой—великаны съ безобразными лицами; обезьяна, сидя вверху, на палкѣ, насмѣшливо смотритъ на столь неравную борьбу.

Это изображеніе относится къ одной, очень распространенной въ Камбоджѣ, легендѣ, гласящей, что ужасные великаны—Якши—опустошали нѣкогда хмерское царство и пожирали въ немъ дѣтей, пока не уничтожилъ ихъ Вишну. Бѣдныя матери обратились съ жалобами къ царю; онъ хотѣлъ воспретить Якшамъ ихъ варварства, но они не послушались, и смущенный царь предложилъ признать право сильнаго. Было назначено состязаніе, изображенное на барельефѣ. Женщины обратились за помощью къ главѣ обезьянъ. Какъ только великаны стали брать верхъ, обезьяны, спрятанныя въ вѣтвяхъ, внезапно бросились на нихъ и обратили ихъ въ позорное бѣгство.

Этимъ Делапортъ объясняетъ дружбу туземцевъ съ обезьянами и участіе послѣднихъ во множествѣ легендъ и изображеній.

Кромѣ барельефовъ, весьма любопытна и характерна орнаментика чисто-архитектурныхъ частей хмерскихъ зданій. Ея образцомъ можетъ служить богатѣйшій фризь главнаго входа того же Ангкоръ-Вата (рис. 2). Приемъ отдѣлки — вполнѣ азіятскій: весь фризь сплошь покрытъ мелкими фигурами и растительнымъ орнаментомъ, расположеннымъ геометрически-правильными извилинами. Затѣмъ идутъ чисто-мѣстныя особенности: среди тонко-исполненныхъ вѣтвей растений изображенъ Вишну, покоющійся какъ бы въ гамакѣ, но, на самомъ дѣлѣ, возлежащій на длинной змѣѣ, превращенной прихотью рѣзца въ украшеніе, подобное тому, какое встрѣчается въ изваяніяхъ Санчи; одна изъ женъ поддерживаетъ ему ноги, а надъ нимъ возсѣдаетъ божество на трехлистомъ лотосѣ, основномъ мотивѣ хмерскихъ украшеній. Всѣ прочія фигурки сидятъ между вѣтвей, съ поднятыми вверху руками и поджатыми, повосточному, ногами. По верху тянется тонкая полоска, усаженная розетками.

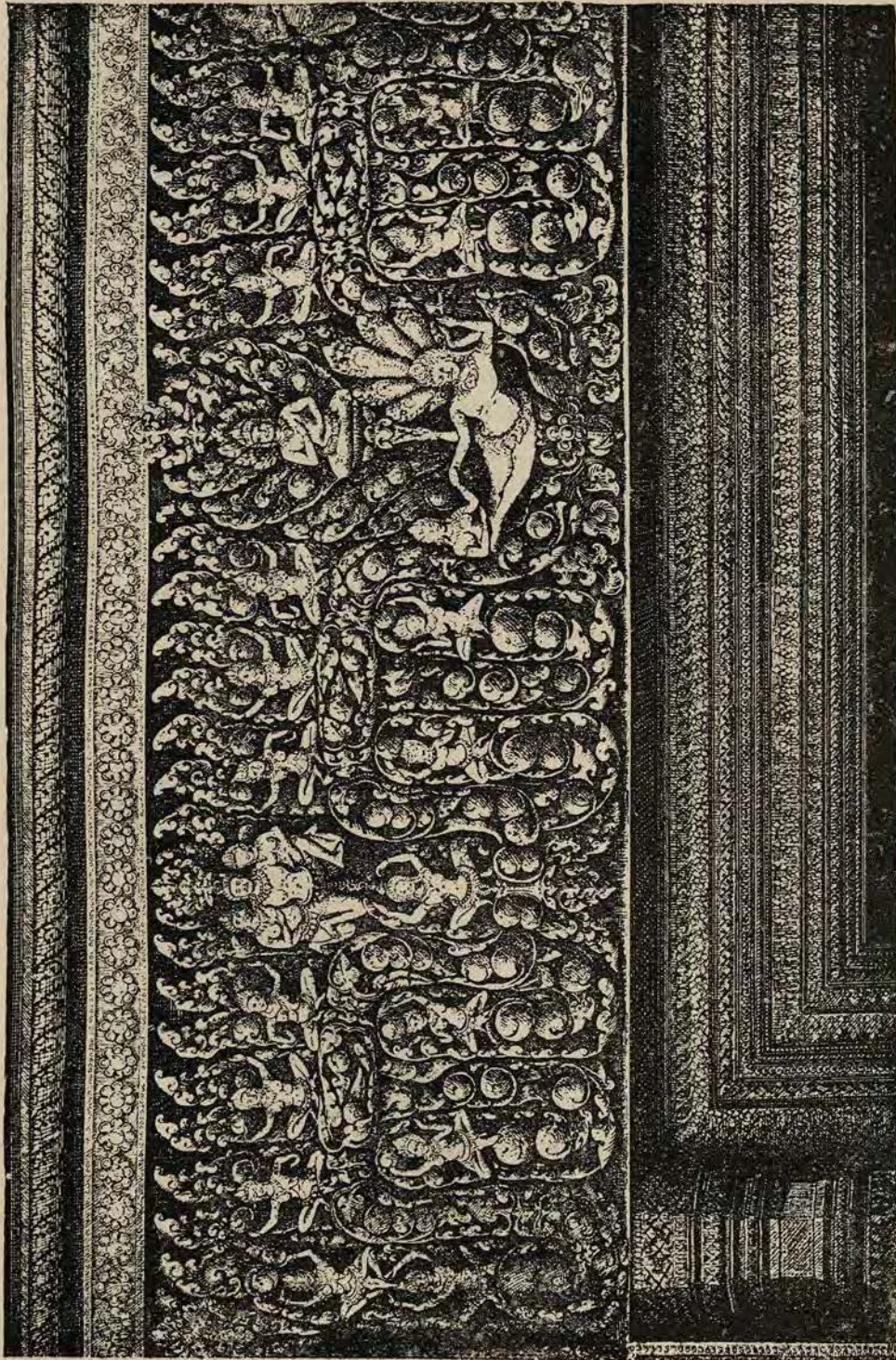

Рис. 2. Фризь западной двери въ Ангкорь-Ватъ.

VI.

Обращаясь къ отдѣльнымъ произведеніямъ хмерскаго ваянія, мы видимъ, что они отличаются, сколько можно судить по рисункамъ Делапорта, далеко не одинаковыми художественными достоинствами. Для примѣра укажемъ на слона Преа-Томри (стр. 13 первой части настоящ. статьи) и на льва съ лѣстницы Преа-Хана (рис. 3), или на Будду въ скалахъ Фномъ-Сонтука (стр. 10) и голову Будды изъ того же Преа-Хана (черт. 4).

Рис. 3. Левъ — стражъ лѣстницы Преа-хана.

Насколько слонъ Преа-Томри исполненъ смѣло, свободно и естественно, настолько же левъ Преа-Хана отличается неестественностью и жесткостью; первый, не смотря на свой размѣръ, меньшій противъ природы, возбуждаетъ изумленіе своимъ величавымъ видомъ; второй, своими геометризированными формами и слишкомъ условно выраженной свирѣпостью, производитъ анти-художественное впечатлѣніе. Однако нельзя вообще отрицать, что хмерское ваяніе достигло блестящаго развитія и имѣетъ такія особенности, какихъ не имѣетъ ваяніе дру-

гихъ народовъ. Изъ этихъ особенностей рѣзко выступаютъ, во-первыхъ, крайне сильная связь его съ зодчествомъ, во-вторыхъ, необычайная фантастичность. Для поясненія, возьмемъ греческій или готическій храмъ и вообразимъ себѣ, что въ первомъ удалены всѣ барельефы съ его тимпановъ и метопь, а во второмъ — всѣ статуи съ консолей и изъ нишъ. Что же тогда получится?.. Получатся архитектурныя сооруженія, которыя не только не разрушены въ какой-либо изъ своихъ основныхъ частей, но даже не утратили признаковъ стиля и сократили извѣстную дозу красоты. Представимъ же себѣ, что мы сдѣлали то же самое съ вратами Ангкора Великаго (стр. 18) или съ пирамидой Преа-Тколь (стр. 11). Они тогда будутъ не только обезображены, но и вполне разрушены,

потому что во вратахъ Ангкора четырехликая глава Будды составляетъ не украшеніе, а цѣлый ярусъ вершины; въ пирамидѣ же Преа-Тколь головы слоновъ образуютъ угловые контрфорсы, а лица божествъ съ вѣнцами изъ змѣиныхъ головъ — шипцы входныхъ дверей. Уничтожить эти изваянія—то же, что отнять у зданія его составныя части. Тѣснѣ этой связи между ваяніемъ и зодчествомъ быть не можетъ.

Относительно фантастичности хмерскихъ изваяній, надо признать, что ничего подобнаго, конечно, мы не встрѣчаемъ даже въ искусствѣ Индіи или древней Америки. Семиглавые змѣи (стр. 13), десятирукіе люди (стр. 3), гигантскія змѣи (стр. 15) и зданія, составленные изъ головъ (стр. 18 и 20), производятъ на глазъ европейца, воспитанный на божественныхъ образцахъ греческаго искусства, впечатлѣніе горячечнаго бреда, воспроизведеннаго въ камнѣ. Винить за это хмерскихъ художниковъ, безъ сомнѣнія, невозможно, потому что, подъ вліяніемъ тѣхъ условій, при которыхъ они работали, въ ихъ фантазіи не могли создаться иные образы.

Делапортъ, страстный любитель хмерскаго искусства, является, вмѣстѣ съ тѣмъ, его горячимъ и весьма ловкимъ апологистомъ. Когда читаешь его разсужденія, невольно начинаешь съ нимъ соглашаться и вполнѣ примиряешься съ тѣмъ, что сначала такъ поражало въ его описаніяхъ.

Вотъ что говоритъ онъ по поводу вообще хмерскаго искусства и хмерскаго ваянія въ особенности:

«Многоэтажная пирамида съ четырехугольнымъ основаніемъ и первобытное индѣйское святилище были основными формами, изъ которыхъ развилось зодчество Камбоджи. Но хмерцы такъ видоизмѣнили эти основные элементы, что индѣйское искусство представляется только исходною точкою ихъ художественнаго творчества. Располаясь похозяйски съ канвой, доставленною имъ сосѣдями, они вышивали по ней сообразно собственному вкусу и своей, вполнѣ самобытной, фантазіи».

«Внутри святилищъ они помѣщали или символъ Сивы, или четырехликое изображеніе Браммы; потомъ они вздумали воспроизвести снаружи, въ громаднѣйшихъ размѣрахъ, четыре лица того же божества. Прилагая къ нижнимъ частямъ своей мощной архитектуры образы самыхъ мощныхъ изъ тварей: орла, льва, слона и змѣи-боа, они воздвигали наверху, какъ увѣнчанія своихъ зданій, громадныя лица бога мысли; онъ смотритъ широко-открытыми

очами на всѣ четыре страны свѣта и олицетворяетъ собою разумъ, который, побѣдивъ и подчинивъ своей власти всѣ силы природы, продолжаетъ безъ-устали бодрствовать надъ міромъ и предвидитъ малѣйшія изъ человѣческихъ дѣяній».

«Разсмотримъ, продолжаетъ Делапортъ, послѣдовательно каждую изъ основныхъ частей столь разумнаго убранства. Слоны — этому преимущественно индѣйскому животному—выпало на долю подпирать тяжелыя массы зданія; гарудамъ, съ ихъ распушенными крыльями и протянутыми руками, пришлось опираться, подобно каріатидамъ, о стѣны, чтобы поддерживать вѣнчающіе фризы или легкія колоннады; выходы охраняли львы, или великаны съ палицами въ рукахъ, а иногда и вооруженные луками братья Рама и Лакшмана, или богъ Вишну, потрясающій мечемъ, или же, наконецъ, нѣкоторыя другія воинственные божества съ копьями и трезубцемъ въ рукахъ. На лопаткахъ и на стѣнахъ храмовъ высѣкались баядерки и священныя дѣвы, служившія божеству; на столбахъ келій—молящіяся святыя. Второстепенныя божества окружали главное святилище; змѣя Ананта (безконечная) служила непрерывнымъ поручнемъ периль, и ея гибкое тѣло свободно обрамливало стрѣльчатыя очертанія щипцовъ».

«Это символическое украшеніе въ особенности примѣнялось въ древнихъ хмерскихъ памятникахъ; но оно мало-по-малу исчезало, по мѣрѣ разныхъ нововведеній. Въ ту эпоху, когда буддизмъ сталъ преобладать въ Камбоджѣ, статуи Брамы, Вишну и Сивы были вытѣснены изображеніями Будды въ человѣческомъ образѣ, съ однимъ только лицомъ. Съ этого времени зодчіе должны были значительно измѣнить свои преазы: три входа были закрыты и превратились въ ложныя двери; одинъ, четвертый, восточный входъ, остался открытымъ для доступа въ святилище. Цѣлыя вѣка поклонники Сакія-Муни простирались на порогъ этого входа и созерцали священное изображеніе, озаренное лучами восходящаго солнца. И теперь еще путешественникъ, который рѣшится взобраться по крутымъ ступенямъ средней части пирамидальныхъ храмовъ и проложить себѣ дорогу сквозь листовную чашу, можетъ иногда любоваться въ полумракѣ еще стоящими на своихъ древнихъ подножіяхъ великолѣпными идолами Будды, современными самымъ памятникамъ».

«Не смотря на частое употребленіе символическихъ изваяній, хмерскіе художники почти съ самага начала отбросили индѣйскую

основу и усвоили себѣ требованія, одинаковыя съ требованіями египетской и греческой эстетики,—подчинили скульптурное убранство архитектурной формѣ, стали примѣнять скромныя, некричащія и отчетливыя изображенія, широко задуманныя и содѣйствовавшія общему впечатлѣнію. Чтò же было послѣдствіемъ этого направленія? Между тѣмъ, какъ сосѣди хмерцевъ подчинялись почти исключительно миѳологіи, весьма часто безобразной, они обыкновенно не задумываясь, или вовсе избѣгали отвратительной уродливости въ идолахъ, или ловко пользовались ею, какъ матеріаломъ для орнаментаціи, когда уже нельзя было совсѣмъ обойтись безъ воспроизведенія безобразностей. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы создать чудовище изъ четырехликаго Брамы, они прислонили попарно затылками другъ къ другу четыре лица, видимыя части которыхъ не отличаются ничѣмъ сверхъестественнымъ».

«Единственнымъ безобразіемъ, допущеннымъ хмерцами для олицетворенія силы, преимущественно у героевъ Рамаяны, являются многочисленныя руки; но и въ этомъ случаѣ художники выдѣляютъ только двѣ руки, а прочія располагаютъ вѣеромъ, нѣсколько дальше, такъ, чтобы онѣ служили какъ-бы фономъ картины».

«Что касается до нѣсколькихъ головъ, поставленныхъ другъ на друга, то онѣ разсматриваются какъ нѣчто странное и примѣняются исключительно къ низшимъ и злымъ божествамъ. Впрочемъ, эти послѣдніе остатки варварства встрѣчаются только въ самыхъ древнихъ сооруженіяхъ; хмерцы мало-по-малу замѣнили вдохновеніями собственнаго генія эти заимствованные плоды воображенія, и рѣзецъ ихъ создалъ убранства очищеннаго вкуса, фантастическій элементъ которыхъ всегда изященъ и разработанъ, такъ что безъ всякаго урона можетъ выдержать сравненіе съ тѣмъ, чтò было сдѣлано по этой части въ другихъ странахъ. Если большія сочиненія въ хмерскихъ барельефахъ не всегда достигаютъ совершенства, если камбоджскій ваятель не всегда справлялся съ перспективой и, наконецъ, если фигуры по своимъ формамъ и положеніямъ не осуществляютъ классической красоты греческаго типа, то, взамѣнъ того, большія изваянія на зданіяхъ отличаются качествами высшаго порядка: сцены всегда полны жизни, фантазіи и вдохновенія; порою въ нихъ царитъ нѣкоторая запутанность, но онѣ всегда дышатъ талантомъ, правдою, умомъ и игривостью. Легко-выступающіе дворцы и деревья служатъ фономъ; птицы на вѣтвяхъ, рыбы и гады, плавающіе въ водахъ, дикіе звѣри, пришедшіе въ ярость,

кони, запряженные въ колесницы,—все это обличаетъ тщательное изученіе подробностей. Что касается до сверхъестественныхъ животныхъ, то они такъ хорошо сочинены, что кажутся настоящими. Прибавимъ къ этому, что, благодаря излишеству богатства и фантазіи, различныя естественныя украшенія животныхъ, какъ, напри- мѣръ, узорчатые щиты черепахъ, перья птицъ, пятнистыя шкуры четвероногихъ и проч., превращались часто, не теряя своей общей формы и характера, въ цвѣты, чешуйки, листья и драгоцѣнные камни».

«Положенія отдѣльныхъ личностей совершенно естественны и лишены всякой жесткости. Глазу европейца, непривычному къ удивительной тѣлесной гибкости и обычнымъ позамъ индо-китайцевъ, эти положенія могутъ показаться принужденными; но они точнѣйшимъ образомъ воспроизводятъ дѣйствительность, и это даже кладетъ на нихъ печать самобытности, составляющей одно изъ ихъ достоинствъ. При видѣ хмерскихъ барельефовъ, кажется, будто присутствуешь на театральномъ представленіи, даваемомъ мѣстными актерами, костюмъ которыхъ и понынѣ мало измѣнился въ теченіи десяти вѣковъ. Между фигурами, изваянными полнымъ рельефомъ, почти нагія женщины восхитительны по лѣпкѣ и граціи. Ихъ наряды высѣчены удивительно. Самыя богатыя статуи дѣлались изъ золота и серебра, другія—изъ мѣди, камня и дерева. Деревянные статуи обыкновенно вызолачивались цѣликомъ, или же расписывались золотыми украшеніями; очень часто имъ врѣзались глаза изъ перламутра, хрустала, или драгоцѣнныхъ камней; иногда имъ, на подобіе джаинскихъ статуй, подвѣшивали серьги».

«Идолы божествъ, въ-одиночку или понѣскольку, помѣщались въ святилищахъ, въ глубинѣ галерей и подъ башнями. Статуи царей размѣщались иногда на бельведерахъ, среди садовъ».

«Превосходныя статуи Будды задумывались и сочинялись по правиламъ весьма характерной и своеобразной эстетики. У меня есть—говоритъ одна надпись буддійской эпохи—четыре красоты царя нагъ ¹⁾); широкія плечи, тонкій перехватъ стана, лицо, подобное полному мѣсяцу; тѣло мое не имѣетъ ни одного изъ тѣхъ недостатковъ, которые позорятъ безобразнаго карлу».

«Эти изображенія Будды—наиболѣе мягкія и женственныя; изваявшій ихъ рѣзецъ старался вызвать въ камнѣ мистическую

¹⁾ Нага —змѣя.

мысль. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ нѣчто африканское, что первоначально заставляло выводить Будду изъ негровъ. Но большинство изображеній Будды воспроизводитъ мѣстные типы, съ слегка сухощавыми формами, насквозь пропитанными желтою кровью, но съ прямымъ разрѣзомъ глазъ. Вѣки у нихъ опущены, и все лицо выражаетъ доброту и сильную восторженность. Это именно былъ типъ изображеній, присвоенный великому святому, который, презрѣвъ царское могущество, овладѣлъ собою, сбросилъ съ себя тѣлесныя путы и посвятилъ свою жизнь великому дѣлу возрожденія человѣчества. Такимъ представляютъ себя вѣрующіе Будду, когда онъ, съ высоты Nirваны, куда его возвело полное совершенство, обращаетъ свои взоры на землю, чтобы любовно созерцать набожную толпу, тѣснящуюся у подножія его алтарей (рис. 4). Многія изъ статуй сохранили слѣды легкаго слоя черной или красной окраски, или признаки позолоты, которая нѣкогда покрывала ихъ и придавала имъ законченность. Есть между ними и такія, которыя, и безъ всякой окраски, кажутся совершенно законченными; хотя форма едва обрисовывается, однако это не мѣшаетъ камню дышать во всѣхъ своихъ частяхъ. Въ нихъ не видно почти ни одного изъ тѣхъ божественныхъ признаковъ Сакія Муни, которые и породили такое множество совсѣмъ безобразныхъ буддійскихъ изображеній, будучи исполнены неискренними мастерами; хмерскіе ваятели сохранили только курчавые волосы, какъ признакъ красоты, и легкую вытянутость нижней части ушей, обусловливаемую сохранившимся дониндѣ обычаемъ носить тяжелыя серьги».

Рис. 4 Голова Будды изъ галерей Понте-Преа-Хана.

Кромѣ монументальной скульптуры, хмерское искусство проявляется также въ лѣпной работѣ на разныхъ мелкихъ издѣліяхъ.

Такъ, напримѣръ, въ развалинахъ Ангкоръ-Тома, въ размытой водою землѣ, замѣтны во множествѣ остатки гончарныхъ издѣлій, и среди нихъ попадаются образцы, свидѣтельствующіе о высокомъ развитіи искусства. Французская экспедиція набрала множество такихъ обломковъ. Прекраснымъ образчикомъ ихъ могутъ служить осколки глиняныхъ вазъ, ручки которыхъ образуютъ три слоновья головы, съ хоботами, связанными вмѣстѣ вѣтками (рис. 5). Рисункъ ихъ тѣмъ болѣе интересенъ, что самые обломки утрачены французами въ дорогѣ.

Присутствіе подобныхъ черепковъ въ землѣ объясняется показаніемъ Абея Ремюза: «прахъ мертвыхъ хранился въ золотыхъ и серебряныхъ урнахъ; бѣдные употребляли съ тою же цѣлью росписныя урны изъ обожженной глины».

Остается сказать нѣсколько словъ объ одной особой отрасли ваянія—рѣзбѣ по дереву.

Основываясь на барельефахъ, которые даютъ намъ изображенія не только жилищъ, но и множества разной утвари, какъ, напримѣръ, слоновыхъ сѣделъ, колесницъ, паланкиновъ и пр., рѣзба по дереву была у хмерцевъ въ большомъ употребленіи и даже пережила ваяніе. Сравнительно позднія сооруженія, каковы, напримѣръ, Вьенъ-Шанъ, въ Лаосѣ, пагоды Луангъ-Прабанга и Ксіенгъ-Гонга, представляютъ любопытные образчики этого искусства. Но самая замѣчательная рѣзба находится въ камбоджскомъ храмѣ въ селеніи Борибунѣ, въ области Пурса, на югъ отъ Великаго Озера. По выбору изображеній и по ихъ исполненію, здѣшняя рѣзба напоминаетъ барельефы Ангкоръ-Вата.

Относительно древней хмерской живописи почти нѣчего сказать. Самъ Делапортъ сообщаетъ приблизительно лишь слѣдующія свѣдѣнія о ней: «О живописи хмерцевъ можно судить только по современнымъ произведеніямъ мѣстныхъ живописцевъ, получающихъ художественное образованіе и вдохновеніе въ Бангкокѣ, умственномъ и артистическомъ центрѣ современнаго Индо-Китая. Старинныхъ фресокъ почти совсѣмъ не сохранилось; но по едва замѣтнымъ слѣдамъ ихъ, уцѣлѣвшимъ кое-гдѣ, напримѣръ въ Ангкоръ-Ватѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдуетъ заключить, что въ древней Камбоджѣ монументальная живопись процвѣтала параллельно съ монументальною скульптурою».

Таково, въ общихъ чертахъ, искусство, съ чудесами котораго Европа познакомилась впервые, благодаря трудамъ Делапорта.

Остается пожелать, чтобы изученіе этого искусства не остановилось на полдорогѣ, и чтобы созданіямъ хмерскихъ артистовъ было отведено надлежащее мѣсто въ исторіи художествъ.

Рис. 5. Ручка глиняной вазы, изъ развалинъ Ангоръ-Тома.